

Н.И. ПАВЛЕНКО

Петр Великий [Детство и юность]

<...> Не известно, кому в лагере Милославских пришла в голову мысль в борьбе с Нарышкиными опереться на стрельцов: то ли опытному интригану Ивану Михайловичу, то ли коварной и честолюбивой Софье Алексеевне, мечтавшей водрузить на свою голову царскую корону. Как бы то ни было, но Милославским и Софье удалось направить гнев стрельцов в удобное для себя русло. Впрочем, осуществлению их замыслов объективно помогла сама Наталья Кирилловна, совершившая в первые дни правления ряд существенных промахов.

Как уже отмечалось, по обычаю тех времен родственники царицы получали пожалования чинами и вотчинами. Мы не знаем, почему Наталья Кирилловна не воспользовалась этим обычаем в полной мере в 1671 г., когда она стала супругой царя Алексея Михайловича, а в апреле — начале мая 1682 г., когда ее сын был провозглашен царем, в самый неблагоприятный момент решила наверстать упущенное. Пожалования многочисленной родне посыпались как из рога изобилия. 27 апреля пять братьев Натальи Кирилловны (Иван, Афанасий, Лев, Мартемьян, Федор) были пожалованы в спальники. Прошло всего пять дней, как было сказано новое пожалование, вызвавшее наибольшие пересуды: 22-летний спальник Иван Кириллович был объявлен **боярином, минуя чины думного дворянина и окольного**.

Напряженные отношения между Милославскими и Нарышкиными выплеснулись наружу уже 28 апреля — в день похорон царя Федора Согласно обычаю, за гробом покойного шествовали две вдовствующие царицы: Марфа Матвеевна, вдова покойного, и Наталья Кирилловна. Но этот же обычай запрещал публичное участие в церемонии царевнам, которым надлежало сидеть в теремах. Царевна Софья, нарушая обычай, тоже участвовала в траурной процессии. Наталья Кирилловна **усмотрела в этом поступке падчерицы грубое превышение прав** и демонстративно, быстро распрощавшись с покойником, вышла из Архангельского собора и увела с собой сына. Софья воспользовалась оплошностью мачехи, руководствовавшейся не рассудком, а эмоциями, и, возвращаясь с похорон, причитала, произнося слова, явно нацеленные в адрес политических противников: «Умилосердитесь над нами, сиротами, или отпустите в чужую землю к королям христианским». В этом вопле слышен был прозрачный намек на незаконность провозглашения царем Петра

Итак, Наталья Кирилловна подверглась натиску с двух сторон: все более распоясавшихся стрельцов и притязавших на корону Милославских. Как женщина в политических интригах совершенно беспомощная, сама по себе противодействовать этому натиску она не могла. Не могла она рассчитывать и на мудрость новоиспеченных спальников и боярина Ивана Кирилловича: и братья, и отец Кирилл Полиевктович не отличались ни умом, ни проницательностью, ни политическим опытом. Единственная надежда Нарышкиных — Артамон Сергеевич Матвеев, воспитатель Натальи Кирилловны, устроивший ее брак с царем Алексеем Михайловичем. Матвеев проявлял способности в делах не только матримониальных, но и государственных: в последние годы царствования царя Алексея Михайловича он был первым министром и фактическим руководителем правительства. Судьбу его после смерти Алексея Михайловича угадать нетрудно. Милославские видели в нем самую опасную для себя фигуру и сразу же руками воцарившегося Федора подвергли его опале. Сначала Матвеев был сослан в почетную ссылку на воеводство в Верхотурье, но этого Милославским показалось мало. Чтобы

окончательно обезопасить себя от козней Матвеева, они лишили его боярского чина и принадлежавших ему вотчин и отправили в заточение в Пустозерск.

27 апреля именем Петра Матвееву указано быть «из опалы в Москве, и в Пустозерск отправлен гонец с грамотой, велевшей разжалованному боярину «по-прежнему писаться боярином». Но пока стольник Семен Ерофеевич спешил в Пустозерск, чтобы объявить царскую милость опальному, и пока этот опальный держал путь в столицу, прошло свыше двух недель — в Москве Артамон Сергеевич появился только вечером 12 мая <...>

<...> Стрельцы — полицейская сила государства, вооруженная опора трона, блюстители феодального правопорядка в столице. А. В. Чернов, изучавший вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв., пришел к выводу о незначительном участии стрельцов в военных действиях. «В походах участвовало 5—10 % всех стрельцов, которые составляли от 4 до 12 % общей численности войска». Поэтому полицию, жандармерию и прочие карательные силы, стоявшие на страже самодержавия и феодального правопорядка, относить к народным массам неправомерно.

Второй тезис **В. И. Буганова** гласит о широком участии посадского населения в движении стрельцов. По его мнению, альянс между стрельцами и посадскими зарегистрировала челобитная, поданная правительству 6 июня 1682 г. от имени стрельцов, солдат, гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен, ямщиков и др. Однако давно установлено, что, во-первых, стрельцы сами вписали в челобитную различные категории городского населения; во-вторых, в челобитной нет ни одного пункта, который бы учитывал специфические интересы, скажем, посадских людей или жителей Кадашевской и Конюшенной слобод. Там есть требование, общее для всего населения столицы: в безволочитном суде и запрещении брать посулы были заинтересованы все социальные категории — от бояр до посадских людей. Эта же челобитная содержит пункт, явно ущемлявший интересы торгово-промышленного населения столицы. Челобитчики пеклись о том, чтобы «казне никакой порухи не было», и поэтому требовали срочного взыскания казенных долгов, числившихся на посадских, гостях и торговых людях гостиной и суконной сотен. Здесь «радетели» об интересах народных масс, зная о том, что казна пуста, проявляли заботу о получении жалованья за счет горожан.

Этот пункт, как видим, явно противоречит интересам горожан и ставит под сомнение все рассуждения об альянсе. Но В. И. Буганов и здесь нашел выход. Приведем его рассуждения без сокращений: «Таким образом, по мысли инициаторов этой челобитной, которыми являлись, конечно, стрельцы и солдаты (главным из них являлся выборный А. Юдин), посадские люди как бы в обмен на постановку общих требований о правильном судопроизводстве, прекращении взяточничества и волокиты в приказах, а также за то, что “всяких чинов люди” в результате восстания получили “хорошее” правительство, должны были взять на себя некоторые дополнительные обязанности — заботу о лучшем, чем до сих пор, ведении финансовых дел в стране (упорядочение сбора налогов), замену стрельцов в делах по хлебному сбору и раздаче. Конечно, — продолжает автор, — это ущемляло интересы посадских людей, но такова была логика событий и таковы были представления победивших стрельцов и солдат о справедливости, далекие от идеала». Здесь очевидная модернизация, опрокидывание практики политических комбинаций, свойственных взаимоотношениям различных буржуазных партий в XX в. на век XVII. Итак, источники противоречат утверждению, если так можно выразиться, об идейной близости стрельцов и посадских. Источники не подтверждают и тезиса о непосредственном участии широких кругов горожан в стрелецком бунте 1682 г. Поскольку в распоряжении В. И. Буганова нет на этот счет конкретных данных, то он прибегает к обтекаемым фразам типа: толпы «могли принять определенное участие и в самих расправах»; толпы «шумно одобряли расправы с ненавистными “изменниками”» и, «вероятно, сами принимали в них некоторое участие» (курсив мой. — Н. П.).

И наконец, последнее. В. И. Буганов полагает, что стрелецкие бунты, в том числе и бунт 1682 г. от начала до конца были самостоятельными движениями: стрельцы

действовали независимо от Софьи, Милославских, Хованских; что борьба за власть, разгоревшаяся между группировками господствующего класса в 1682 г., не оказала влияния на ход событий в Москве. Если бы дело обстояло именно так, как считает В. И. Буганов, то тогда чем, например, можно объяснить целенаправленное истребление не бояр вообще, а представителей рода Нарышкиных, которые за две-три недели своего эфемерного правления не могли ни улучшить, ни ухудшить положения стрельцов?

Если бы В. И. Буганову до опубликования своей монографии «Московские восстания конца XVII в.» было известно упоминавшееся выше талантливое исследование А. И. Заозерского, то, возможно, он избежал бы многих утверждений, не выдерживающих критики.

После усмирения стрелецкого бунта наступило семилетнее правление Софьи. Князь Борис Иванович Куракин с огромной долей сарказма отзываясь о большинстве своих современников, находившихся у подножия трона в первые годы царствования малолетнего Петра, но дает высокую оценку государственному уму царевны Софьи и ее правлению. По его мнению, она была женщиной «великого ума и великой политики». В глазах Куракина время правления Софьи заслуживает всяческой похвалы: «Правление царевны Софии Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было». Куракин, пристрастно относившийся к современникам, явно переоценивал Софью, к которой, видимо, питал симпатию, поскольку она стала жертвой Петра. Правда, в активе Софьи находятся две внешнеполитические акции: вечный мир с Речью Посполитой и отчасти Нерчинский договор с Китаем. Но эти успехи были омрачены двумя неудачными крымскими походами, стоившими России людских потерь и огромных затрат. Что касается внутренней жизни страны, то здесь история запечатлела лишь единственное заметное событие — ученые греки, братья Лихуды, в 1687 г. основали в Москве Славяно-греко-латинскую академию.

Главой правительства стал князь Василий Васильевич Голицын, фаворит Софьи, выделявшийся среди современников начитанностью и знанием иностранных языков. 19 октября 1683 г. он получил пышный титул, который в прошлом носили только два человека — Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и Артамон Сергеевич Матвеев: «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегатель». Будучи канцлером и руководителем внешней политики России, Голицын в 1686 г. заключил вечный мир с Речью Посполитой. Подписанию мира предшествовали трудные и продолжительные переговоры.

В 1684 г. возник Священный союз Австрии, Речи Посполитой и Венеции. Союзники решили привлечь к борьбе с Османской империей Россию, рассчитывая ее вооруженными силами сковать действия крымских феодалов. Уверять русское правительство в выгодах, которые оно могло извлечь из участия в борьбе с османами, долго не пришлось — для России Османская империя и крымские феодалы издавна являлись самыми опасными противниками. Тем не менее на пути активных действий России на стороне союзников стояли трудности, главная из которых заключалась в острых противоречиях, существовавших между Речью Посполитой и Россией из-за Киева.

Напомним, что по Андрусовскому перемирию 1667 г. Киев переходил к России на два года. Время давно истекло, а Киев находился в русских руках. Поскольку Речь Посполитая более всех была заинтересована во вступлении России в союз и в Москве об этом были хорошо осведомлены, то русское правительство обусловило свое вхождение в союз заключением вечного мира и передачей Киева России в бессрочное владение. Переговоры проходили в том самом селе Андрусове под Смоленском, где было заключено в 1667 г. перемирие. Тридцать девять раз сезжались уполномоченные, но достичь приемлемых для обеих сторон условий мира им так и не удалось: поляки не соглашались уступить Киев, а русские без получения Киева отказывались вступить в союз.

Русская дипломатия во главе с Голицыным использовала еще одно средство давления на Речь Посполитую. В мае 1684 г. австрийские представители вели в Москве переговоры все по тому же вопросу вступления России в Священный союз. Голицын резонно заявил австрийским уполномоченным, что без заключения вечного мира Речь Посполитая остается потенциальным противником России, готовым начать против нее войну, и тогда России предстояло бы воевать на два фронта. В 1686 г. Голицын в Москве подписал вечный мир. Договор подтвердил присоединение к России Киева. Это был крупный внешнеполитический успех, которым Софья тут же воспользовалась для укрепления своего положения: с 1687 г. в официальных документах наряду с царями стали называть имя Софьи.

Россия взамен приобретенного Киева обязалась организовать походы против Крыма, которым союзники отводили вспомогательную роль: русские войска должны были отвлечь татарскую конницу от опустошительных набегов на польские и австрийские земли. Подготовка к первому Крымскому походу началась осенью 1686 г., когда царская грамота, перечислив все варварские поступки и обиды крымцев, призвала ратных людей отомстить им за все бесчестья, грабежи и насилия. Во главе 100-тысячного войска Софья поставила «великих посольских дел сберегателя» князя В. В. Голицына. Поход не пользовался популярностью у служилых людей. Не пользовался популярностью и военный руководитель похода, человек, совершенно неопытный в ратном деле. Стольники князь Борис Долгорукий и Юрий Щербатый прибыли в полки на смотр в черном платье, их люди тоже были экипированы в траурную одежду, а лошади покрыты черными попонами. Событие приобрело зловещую окраску: оно быстро стало достоянием армии и символом неверия в успех похода. И хотя Долгорукому и Щербатому довелось приносить извинение Голицыну, демонстрация сделала свое дело. Тревога одолевала и Голицына — он понимал, что удаление на столь продолжительное время от двора могло закончиться лишением фавора и власти, тем более что у него были и конкуренты, и недруги. Среди последних самым непримиримым и опасным он считал князя Михаила Алегукевича Черкасского. Единственным человеком, на которого Василий Васильевич счел возможным положиться, был Федор Шакловитый, занявший место Хованского у руководства Стрелецким приказом. «Я во всех своих делах, — писал Голицын оставшемуся в Москве Шакловитому, — надежду имею на тебя; у меня только и надежды, что ты, пожалуй, отпиши: нет ли каких дьявольских препон от тех? Для Бога, смотри недреманным оком Черкасского...»

Войско Голицына двинулось на юг в мае 1687 г., в середине июля достигло урочища Большой Луг, не встретив на своем пути ни одного крымца. Но 100-тысячное войско, к которому присоединились 50 000 казаков украинского гетмана Самойловича, подстерегал более опасный враг, чем татары, — начались степные пожары. В безводной степи люди гибли от жажды, а кони — от отсутствия корма. Голицыну ничего не оставалось, как повернуть назад. Явную неудачу он придумал прикрыть рассуждениями о том, что крымские татары не отважились встретиться с русской ратью в открытом бою, но трусливо подожгли степь и тем нанесли урон войскам. Победные нотки, звучавшие в донесении Голицына, никого не ввели в заблуждение, тем не менее «сберегатель» сохранил положение и первого человека в правительстве, и фаворита.

В сентябре 1688 г. было объявлено о подготовке ко второму Крымскому походу. Чтобы избежать степных пожаров, Голицын решил отправиться в путь пораньше — в феврале 1689 г., так что в мае уже состоялась первая встреча с войсками крымского хана. Татары по своему обыкновению стремительно и беспорядочно накинулись на русское войско, но были отбиты артиллерийским огнем. В Москву гонец доставил победоносное донесение. Софья ответила ласковым письмом: «Свет мой, братец Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета... Подай тебе господи и впредь враги побеждать! А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего...» 20 мая русские войска подошли к Перекопу, но Голицын не рискнул

вторгнуться в Крым из опасения оказаться без воды и конского корма. Он вступил в переговоры с ханом, надеясь, что тот, испугавшись появления многочисленной рати, пойдет на уступки и заключит выгодный для России договор. Этого, однако, не случилось, и Голицын решил возвращаться домой. Современник Иван Афанасьевич Желябужский отметил трусость и продажность Голицына: «А боярин князь Василий Васильевич Голицын у стольников и у всяких чинов людей брал сказки, а в сказках велел писать, что к Перекопу ступить невозможно потому, что в Перекопе воды и хлеба нет. И после тех сказок он, боярин князь Василий Васильевич Голицын, взял с татар, стоя у Перекопа, две бочки золота». Оснований утверждать подлинность свидетельства Желябужского у нас нет, но в Москве тоже носились слухи, что Василий Васильевич получил две бочки золотых монет, на поверку оказавшихся фальшивыми — они были медными, лишь тонким слоем покрытыми золотом.

Так или иначе, но результаты второго Крымского похода были столь же неудачными, как и первого. Это не помешало Софье, после того как ей стало известно о возвращении фаворита от Перекопа, отправить ему очередное послание с изъявлением нежной любви и признанием неопределимых заслуг на поле брани: «Батюшка ты мой, чем платить за такие твои труды несчетные? Радость моя, свет очей моих, мне не верится, сердце мое, чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою... А вы, свет мой, не стойте, пойдите помалу: и так вы утрудились. Чем вам платить за такую нужную службу? Наипаче всех твои, света моего, труды. Если б ты так не трудился, никто б так не сделал».

Царевна Софья, видимо, была женщиной любвеобильной. Уже будучи в годах, она стремилась наверстать упущенное во время пребывания в тереме и завела еще одного фаворита — Федора Шакловитого, которого, как мы помним, Голицын считал самым преданным себе человеком. Б. И. Куракин, с симпатией относившийся к царевне и вряд ли пожелавший возводить на нее напраслину, писал: «Надобно ж и о том упомянуть, что в отбытие Василия Голицына с полками на Крым Федор Щегловитой весьма в амуре при царевне Софии профитовал (извлекал пользу. — Н. П.) и уже в техплезирах ночных был в большей конфиденции (доверенности. — Н. П.) при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что, ежели бы правление царевны Софии еще продолжалось, конечно бы князю Голицыну было от нее падение или б содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делах был бы помянутой Щегловитой». Неофициальный восторг успехами Голицына, излитый на бумаге повелением сердца, Софья подкрепила грамотой от имени двух царей, в которой вопреки очевидным фактам столь же энергично восхваляла мнимые победы незадачливого полководца: «Мы, великие государи, тебя, ближнего нашего боярина и оберегателя, за твою к нам многую и радетьельную службу, что такие свирепые и исконные креста святого и всего христианства неприятели твоею службою не нечаянно и никогда не слыхано от наших царских ратей в жилищах их поганских поражены и побеждены и прогнаны...» И так, сколько бы Софья ни славословила по поводу походов Голицына и ни старалась создать видимость успехов, провал их совершенно очевиден: казне они стоили немалых денежных затрат, полкам — гибели многих людей не столько от столкновений с неприятелем, сколько от лишений и невзгод, выпавших на долю войска. Способный дипломат, образованный человек и галантный кавалер не подтвердил такой же репутации в качестве военачальника. И, тем не менее, нельзя походы считать бесполезными: урона они крымским феодалам не нанесли, но в известной мере отвлекли их силы от набегов на польские и австрийские земли. Россия в конечном итоге выполнила свои обязательства перед Священным союзом. Это было важно, ибо Россия впервые была приглашена к участию в коалиции европейских государств, направленной против Османской империи.

Неудачу военных действий вполне компенсировал дипломатический успех, на этот раз не на западных, а на восточных границах России. Правда, успех этот пришел уже

после того, как Софья была водворена в келью Новодевичьего монастыря, но подготовка к нему началась, когда она была правительницей. Еще в октябре 1687 г. окольник Федору Алексеевичу Головину была вручена инструкция о том, как вести переговоры с маньчжурами. Надобность в них возникла в связи с пограничными конфликтами прежних лет.

Цинское правительство потребовало от воеводы Алексея Толбузина, чтобы он освободил Албазин, являвшийся ключевым острогом русских владений на Амуре. Толбузин отказался выполнить ультиматум. Гарнизон острога в 1685 г. насчитывал 450 человек, вооруженных тремя пушками и четырьмя ядрами. Устоять против цинских войск, прибывших на сотне судов, на каждом из которых находилось по 30–50 пехотинцев, и тысячи конных воинов, подошедших сухим путем, албазинцы не могли. Они вынуждены были покинуть город и отправиться в Нерчинск <...>

<...>Отношения между двором Петра в Преображенском и официальным двором в Кремле, корректные в первые годы правления Софьи, постепенно, по мере того как вырос Петр, все больше приобретали оттенок враждебности. Обе стороны зорко следили за действиями друг друга. Особое раздражение в Преображенском вызывали нарушения Софьей придворного этикета, что расценивалось как посягательство правительницы на царскую власть. Так, не остались незамеченными участвовавшие появления Софьи на разнообразных церемониях. Тем самым, считали в Преображенском, Софья искала популярности и стремилась закрепить за собой место правительницы. 8 июля 1689 г. правительница совершила вызывающий поступок — она осмелилась вместе с царями участвовать в соборном крестном ходе. Разгневанный Петр сказал Софье, что женщине непристойно следовать за крестами и она должна немедленно удалиться. Царевна оставила упрек без внимания. Петр в состоянии крайнего возбуждения умчался в Коломенское, а оттуда — в Преображенское. В окружении Петра вызывало недовольство и упоминание в титуле официальных актов имени правительницы — «благоверной царевны великой княжны Софьи Алексеевны». Царица Наталья Кирилловна открыто выражала возмущение: «Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть, и они того дела не покинут».

Если в Преображенском на эти действия Софьи смотрели как на подготовку к правительственному перевороту, то и в Кремле аналогичные опасения вызывали увеличение численности потешного войска и постоянные заботы Петра о его вооружении. Однако сохранившиеся документы не дают основания утверждать, будто у Петра в это время проснулось властолюбие и он проявлял к власти такой же интерес, как, скажем, к кораблестроению или военным потехам. Честолюбие на первых порах надо было подогревать, что и делала царица-мать, руководимая советниками, более опытными в политических интригах.

О Софье, напротив, нельзя сказать, что у нее отсутствовало властолюбие. Освоившись с положением правительницы и привыкнув к власти, Софья не собиралась до конца своих дней оставаться правительницей и исподволь готовила дворцовый переворот, с тем чтобы стать самодержицей. Но для этого надо было лишить Петра права на престол. Своему новому фавориту, Федору Шакловитому, она поручила разведать, как отнесутся стрельцы к ее воцарению. Первые шаги в этом направлении Софья и Шакловитый предприняли еще в 1687 г. Федор Леонтьевич призвал к себе стрельцких начальников, на которых, как он полагал, можно было опереться, и «казал им челобитную, чтоб ей, великой государыне благоверной царевне, венчаться царским венцом». Начальники дали уклончивый ответ; «Воля-де в том государская». Софье пришлось отказаться от немедленного выполнения замысла: «И того же-де дня, ввечеру, призвав их (начальников. — Н. П.), он, Федька, сказал, что великая государыня того дела делать не указала». Прошло два года, и Софья решила возобновить свои домогательства на трон. На сей раз она руководствовалась планом, как две капли воды напоминавшим план, осуществленный в мае 1682 г. Тогда он принес Софье и Милославским успех. В 1682 г. сторонники

царевны распространяли слух о том, что Нарышкины «извели» царевича Ивана. Семь лет спустя Шакловитый велел стрельцам говорить, «будто князь Борис Алексеевич (Голицын. — *Н. П.*) и Лев Кириллович (Нарышкин. — *Н. П.*) с братьями хотят известъ великую государыню благоверную царевну Софью Алексеевну». Да и сама Софья жаловалась стрельцам: «Житье-де наше становится коротко, царя-де Иоанна Алексеевича ставят ни во что, а меня-де называют там (в Преображенском. — *Н. П.*) девкою, будто-де я и не дочь царя Алексея Михайловича». Некоторой корректировке подвергся и список лиц, подлежащих истреблению в 1689 г., ибо значительная часть Нарышкиных и их сторонников была перебита еще во время первого бунта. Тогда Софья и Милославские своим главным противником считали А. С. Матвеева, теперь в этой роли выступал Б. А. Голицын. Произошли изменения и в лагере Софьи: умер в 1685 г. Иван Михайлович Милославский, еще раньше погиб на плахе Хованский, теперь главным исполнителем воли Софьи стал Шакловитый. В **проскрипционном списке 1689 г.** встречаем новые имена. «И в то число велел он, Федор, — показал пятисотенный Илларион Елизарьев, — побить князь Бориса Алексеевича и Льва Кирилловича и всех Нарышкиных до единого человека, да Опраксиных всех троих».

Итак, стрелецкий бунт 1682 г. с готовившимся бунтом 1689 г. **роднило несколько общих черт**: оба они отражали борьбу за власть; орудием этой борьбы были стрельцы; для подстрекательства к бунту использовались притеснения, якобы допускавшиеся одной из сторон, боровшейся за власть, и, наконец, составление списка лиц, подлежащих казни.

На наш взгляд, была еще одна общая черта, которую, впрочем, невозможно подкрепить документально, поскольку следствие о бунте 1682 г. не велось. Речь идет о подкупе стрельцов, о выдаче им вознаграждения за участие в предполагаемом бунте. В 1689 г. рядовые получали по одному-два рубля, командный состав — от пяти до десяти и даже до ста рублей. Более того, стрельцам была обещана возможность безнаказанно грабить дома убитых. «А как их побьют, — уговаривал стрельцов Шакловитый, — и кто что в домах их возьмет, и то все перед ними, также-де и сыску никакого не будет». Впрочем, сами стрельцы не намеревались довольствоваться ограблением убитых. Доверенное лицо Шакловитого Никита Гладкой говорил стрельцам: «...ныне-де терпите да ешьте в долг, даст-де Бог, будет ярмонка — станем-де боярские дворы и торговых людей лавки грабить и сносить в дуван». Слова Никиты Гладкого подтвердил другой стрелец: «А у нас-де будет ярмонка — побиение будет на бояр, на многих людей, против прежнего смутного времени». Разумеется, в 1682 г. Софья не располагала такими финансовыми ресурсами, какие у нее были в 1689 г., когда она являлась хозяйкой казенного сундука. Поэтому размер сумм, выделенных на подкуп во время первого бунта, был, конечно, скромнее и, скорее всего, ограничивался угощением вином.

При подготовке к бунту 1689 г. использовались и кое-какие новые приемы борьбы. Ночью по улицам Москвы в сопровождении стрелецких капитанов ездил подьячий Матвей Шошин, нарядившийся в такой же белый атласный кафтан, какой носил Лев Кириллович Нарышкин. Шошин хватал стоявших на карауле стрельцов и велел зверски избивать их, поручив вопить одному из спутников: «Лев Кириллович! За что бить до смерти! Душа христианская». Сам ряженный приговаривал: «Бейте-де гораздо, не то-де им будет — заплачу-де им смерть братеи своих»

<...>